

ПРОЛОГ

Солнце Иванова дня раскаленным белым диском сияло высоко над головой. Безбрежное голубое небо ослепляло взор.

Королевский флагманский корабль внезапно покинул прозрачно-зеленое мелководье и вошел в индигово-синие волны бездонных глубин.

Капитан галеона стал отдавать одну команду за другой; матросы со всех ног бросились выполнять приказания. Паруса дрогнули и наполнились ветром; главные, гигантские прямые паруса напряглись до предела. Медленно, со скрипом и стоном, неповоротливый корабль развернулся. На фок-мачте галеона заиграл штандарт Людовика XIV, словно украсив ширь небес королевским девизом «Nec Pluribus Impar»¹. На фор-марселе засияла эмблема короля — золотой солнечный лик со множеством лучей.

Оставив позади коварные мели, галеон двинулся вперед, взрезая килем морскую гладь и с шумом поднимая вдоль бортов волны. Позолоченная фигура на носу корабля простирала руки навстречу солнцу и соленым брызгам. Маленькие радуги окружали мерцанием ее когти и плавники раздвоенного хвоста. Резная русалка словно освещала цветными бликами путь галеону во славу короля.

Внимательно вглядываясь в водный простор, раскинувшийся меж носом корабля и горизонтом, Ив де ла Круа стремился обнаружить цель своих поисков вдоль тропика Рака, прямо под солнцем. Он прищурился, не в силах вынести прямых солнечных лучей, и схватился за леер. Галеон шел с попутным ветром, и потому на палубе по-прежнему царили жара и духота.

¹ Буквальный перевод — «Не уступаю многим» (*лат.*). Однако точное значение остается спорным. Среди вариантов перевода — «Один над всеми», «Один против всех», «Способный на многое».

Черная ряса Ива увлажнилась от пота, темные волосы прилипли ко лбу. Тропическое море искрилось и с каждым мгновением неуловимо меняло облик, поражая и очаровывая молодого иезуита.

— Démons! — крикнул впередсмотрящий.

Ив впился взглядом в волны, пытаясь узреть, что заметил матрос, но его ослепляло солнце, и вожаемая цель была слишком далеко. Корабль с шумом и гулом взрезал воду.

— Вон там!

Прямо по курсу океан, казалось, бурлил. Над волнами взмывали какие-то создания. Словно дельфины, в морской пене резвились гибкие твари.

Флагман двинулся по направлению к невиданным существам. Над океаном разносились не щebet и свист дельфинов, а пение сирен. Матросы испуганно умолкли.

Ив замер, сдерживая волнение. Он был твердо уверен, что достигнет своей цели именно в этом месте и именно в этот день; он никогда не сомневался в успехе. Теперь ему оставалось лишь вести себя с достоинством, не обнаруживая чрезмерной радости.

— Сеть! — завонил капитан Дешере, перекрывая сладостное пение. — А ну, спустить сеть, мерзавцы!

По его команде матросы опрометью кинулись к лебедке. Они боялись его больше, чем морских чудовищ. Заскрипело дерево, застонали тросы, заныл металл. Сеть с грохотом опустилась за борт. Какой-то матрос грязно выругался.

Загадочные существа резвились, не замечая приближающегося галеона. Они по-дельфиньи выскакивали из воды, поднимая фонтаны брызг, взбивая пену. Они ласкали друг друга, свиваясь хвостами, и упоенно пели гимн собственной безудержной чувственности. Море словно вскипало вокруг совокупляющихся созданий.

Их возбуждение невольно передалось Иву, овладев его разумом и телом, всецело подчинив себе его волю. Ужаснувшись своей плотской податливости, он закрыл глаза, склонил голову и мысленно произнес молитву, прося Господа ниспослать ему покой и отрешенность.

Стук разворачиваемой сети, тяжелые удары ее тросов о борт вернули его к реальности. Дешере сыпал проклятиями. Ив будто не слышал срамных слов: во время плавания он приучил себя не обращать внимания на ругательства и богохульства.

Вновь овладев собой, Ив стал безучастно ждать. Он хладнокровно подмечал детали облика своей добычи: размер, цвет, численность, значительно сократившуюся за сто лет, с тех пор как их видели в море последний раз.

Галеон на всех парусах помчался прямо в гущу совокупающихся русалок. Как Ив и думал, как и надеялся, как и ожидал, проштудировав ученые труды своих предшественников, русалки столь страстно предавались любви, что забыли обо всем на свете. Они заметили врага, когда было уже слишком поздно.

Сладостное пение сирен внезапно сменилось пронзительными животными воплями ужаса и боли. Загнанные звери всегда издают крики, будучи не в силах спастись от охотника. Ив сомневался, что животные способны испытывать страх, но полагал, что они могут ощущать боль.

Галеон двинулся на русалок, подминая их мощным килем, топя и заглушая их предсмертные вопли. По высоко взметнувшимся смертоносным волнам пронеслась сеть.

Дешере кричал на матросов, перемежая брань командами. Те подняли лебедкой сеть. Под водой русалки отчаянно бились о борт галеона. Их голоса ударили в обшивку корабля, точно в барабан.

На палубу выбрали сеть с невиданными обитателями глубин. На их темных кожистых телах играл солнечный свет.

— Выпускайте голубей, — Ив старался сдерживать волнение.

— Слишком далеко, — прошептал помощник королевского голубятника. — Им не долететь.

Птицы беспокойно ворковали в своих плетеных клетках.

— Выпускайте их!

Если ни один голубь из сегодняшней стайки не достигнет земли, долетит какой-нибудь из завтрашней или послезавтрашней.

— Как прикажете, святой отец.

С десятков почтовых голубей энергичными взмахами взмыли в небо. Вскоре мягкий шорох вздымающихся и опадающих крыльев стих. Ив на мгновение оглянулся. Один голубь закружился, набирая высоту. Серебряная капсула с посланием, привязанная к его лапке, вспыхнула в солнечных лучах, словно возвещающая скорое торжество Ива.

ГЛАВА 1

Процессия из пятидесяти карет растянулась по извилистой мощеной улице. Жители Гавра прижимались к стенам по обеим ее сторонам, выкрикивая приветствия королю и придворным, дивясь роскоши карет и упряжи, восхищаясь яркими нарядами, драгоценностями и кружевами, бархатом и золотой парчой, широкополыми, с пышными перьями шляпами молодых аристократов, сопровождавших своего повелителя верхом.

Мари-Жозеф де ла Круа мечтала когда-нибудь поучаствовать в такой процессии, но реальность совершенно затмила самые смелые ее ожидания. Она ехала в великолепной карете герцога и герцогини Орлеанских, уступавшей лишь королевской. Она сидела напротив герцога, брата короля, обыкновенно величаемого месье, и его супруги мадам. Место рядом с нею занимала их дочь мадемуазель.

С другой стороны возле нее лениво раскинулся на сиденье друг месье, шевалье де Лоррен, прекрасный и томный, не скрывавший, как наскучило ему долгое путешествие из Версаля в Гавр. Лотта — мадемуазель, «я должна запомнить, что теперь, когда я служу при дворе, теперь, когда я ее фрейлина, называть ее следует только так», — мысленно одернула себя Мари-Жозеф — выглянула из окна кареты, почти в таком же восхищении, как и Мари-Жозеф.

Шевалье вытянул длинные ноги через весь пол, скрестив лодыжки у самых туфелек Мари-Жозеф.

Невзирая на пыль, зловоние, свидетельствующее о близости порта, ржание лошадей, крики всадников и грохот карет, катящихся по бульжной мостовой, мадам настояла на том, чтобы открыть оба окна и раздвинуть занавеси. Она чрезвычайно любила свежий воздух, и Мари-Жозеф вполне разделяла ее склон-

ность. Хотя мадам было уже немало лет — более сорока! — она всегда верхом сопровождала короля на охоту. Она как-то намекнула, что на охоту могут пригласить и Мари-Жозеф.

Месье предпочел защититься от вредоносных испарений, безраздельно господствовавших за стенками кареты. Он не выпускал из рук шелковый платок и ароматический шарик, наполненный благовониями. Платком он стряхивал пыль с бархатных рукавов и золотого кружева своего платья, а ароматический шарик — напигованный гвоздикой апельсин — то и дело подносил к носу, стремясь изгнать уличные миазмы. Когда карета приблизилась к порту, смрад разлагающейся рыбы и гниющих на солнце водорослей сделался невыносим, и Мари-Жозеф мысленно пожалела, что у нее нет ароматического шарика.

Карета дернулась и замедлила бег. Кучер крикнул лошадям: «Тпру!» Их подковы звонко зацокали по булыжнику. Горожане высыпали на улицу, барабанили кулаками о стенки кареты, вопили, просили милостыню.

«Глядите, мадемуазель де ла Круа!» Лотта притянула Мари-Жозеф к себе, чтобы она тоже смогла выглянуть из окна. Мари-Жозеф было интересно все: она жаждала запомнить все подробности путешествия. По обеим сторонам улицы люди в лохмотьях махали руками в знак приветствия и кричали: «Ура! Да здравствует король!» — а иные умоляли: «Хлеба!»

Всадник, не теряя присутствия духа, пробирался сквозь толпу. Мари-Жозеф сначала приняла его за мальчика-пажа на пони, но потом заметила, что на нем жюстокор, синий, расшитый золотом, носить который позволялось лишь приближенным короля, его доверенным лицам. Осознав свою ошибку, она покраснела от смущения.

Отчаявшиеся горожане хватали придворного за полы, терблили его золотые кружева, цеплялись за седло. Вместо того чтобы отогнать их кнутом, он стал от имени короля раздавать милостыню. Тех, кто стоял близко, он лично оделял деньгами, а тем, кто не в силах был до него дотянуться, — старухам, калекам, оборванным детям — бросал монеты. Толпа образовала вокруг него водоворот, могучий, как океан, и зловонный, как вода в Гаврском порту.

— Кто это? — спросила Мари-Жозеф.

— Люсьен де Барантон, — ответила Лотта, — граф де Кретьен. Вы с ним не знакомы?

— Нет, я... — Она оборвала себя на полуслове. Ей не пристало обсуждать рост господина де Кретьена при дворе.

— Он представлял его величество, устраивая военный поход моего брата, но я не имела случая с ним познакомиться.

— Он отсутствовал при дворе все лето, — промолвил месье, — но вижу, не утратил расположения моего брата-короля.

Карета остановилась, зажатая густо сбитой толпой. Месье замахал платком, отгоняя зловоние конского и людского пота и гниющей рыбы. Всадники эскорта закричали, пытаясь оттеснить нищих и зевак.

— После этого мне придется заново покрасить карету, — в изнеможении посетовал месье. — И несомненно, я кое-где лишуся и позолоты.

— Людовик Великий уж слишком снизошел до своих подданных, — съязвил Лоррен, — чтобы и им перепала частичка его славы. — Он рассмеялся. — А впрочем, не беда, Кретьен потопчет их боевым конем.

«Я и то скорее сумею укротить боевого коня, чем он», — подумала Мари-Жозеф. Сарказм и циническая веселость Лоррена было позабавили ее, но потом смутили.

Ей сделалось страшно за графа де Кретьена, но никто более не выказал беспокойства. Кони других придворных происходили от скакунов, привезенных из Крестовых походов, но граф Люсьен выбрал некрупного, светло-серого в яблоках, который как нельзя более ему подходил.

— Его конь не больше дамской лошадки! — воскликнула Мари-Жозеф. — Вдруг этот сброд стащит его с седла?

— Не беспокойтесь! — Лотта погладила Мари-Жозеф по плечу и прошептала: — Подождите только, и сами увидите. Никому не удастся сбросить месье де Кретьена с седла!

Граф Люсьен слегка притронулся к шляпе, приветствуя толпу, и нищие и зеваки в ответ разразились радостными криками, многие принялись кланяться. Его лошадь не останавливалась ни на минуту, не давала толпе сомкнуться со всех сторон. Она гарцевала, выгибала шею, фыркала, помахивала хвостом, точно флажком, и ловко проходила меж людьми, чувствуя себя как

рыба в воде. Мгновение спустя граф Люсьен выехал из толпы. Провожаемый веселыми возгласами, он поскакал по улице вслед за королем. Несколько мушкетеров приказали толпе расступиться; карета и эскорт месье сдвинулись с места, не упуская из виду графа Люсьена.

Мимо, блистая и притягивая взор, галопом пронеслась стайка юных аристократов. Поравнявшись с окном, брат Лотты Филипп, герцог Шартрский, осадил своего крупного гнедого и вонзил шпоры ему в бока, подняв на дыбы и явно щеголяя позолоченной кирасой. На шляпе у Шартра развевались пышные перья, сюртук был шит из дорогого бархата, а рукоять шпаги украшена драгоценными камнями. Недавно вернувшись из летней кампании, он еще не сбрил тоненькие усики, вроде тех, что в юности носил его величество.

Мадам улыбнулась сыну, Лотта весело помахала рукой. Шартр картинным жестом сорвал шляпу и, не спешиваясь, со смехом отвесил им поклон. На шее у него трепетал свободно повязанный шарф, концы которого были заправлены в петлицу.

— Как хорошо, что Филипп снова дома! — промолвила Лотта. — Живой и невредимый.

— И одетый как последний распутник! — Мадам говорила без обиняков, с сильным немецким акцентом, хотя и прибыла во Францию из Пфальца более двадцати лет тому назад. Вздохнув, она покачала головой и, явно любуясь сыном, произнесла: — Да и манеры его оставляют желать лучшего. Ему надлежит заново привыкать к придворному этикету.

— Дайте же ему хотя бы недолго насладиться военной славой, мадам, — упрекнул ее месье. — Сомневаюсь, что брат мой король еще раз поручит нашему сыну командование.

— Значит, и под пули ему лезть не придется, — подытожила мадам.

— Значит, придется забыть о славе.

— А слава мало кому выпадает на долю, мой друг. — Лоррен наклонился к месье и накрыл ладонью унизанные перстнями пальцы герцога. — Ею обделен племянник короля. Ею обделен брат короля. Славой увенчан один лишь король, лишь ему хватает славы.

— Довольно, сударь! — вмешалась мадам. — Напоминаю вам, что вы говорите о своем монархе!

Лоррен откинулся на спинку сиденья, прижавшись рукой к худенькому плечу Мари-Жозеф, так что под чувственной мягкостью бархатного сюртука она ощутила литые мускулы.

— Именно так, мадам, — произнес он. — Полагаю, это единственное, в чем мы сходимся.

Внебрачный сын его величества герцог дю Мэн, сияя рубинами и золотым кружевом, заставлял своего вороного проде лывать курбеты возле самого окна, пока мадам, метнув на него возмущенный взгляд, не фыркнула и не отвернулась. Герцог расхохотался и галопом погнал коня в начало процессии.

— Вот уж кому на боевом коне разезжать не пристало, — пробормотала мадам, не глядя на Лоррена. — Ну зачем этому паршивому отродью, мышиному помету, такой конь?

Месье и Лоррен встретились глазами и улыбнулись.

Скакун Шартра понесся за Мэном. Юные принцы производили блестящее впечатление. В седле они забывали о своих физических недостатках. Неподвижный, остановившийся глаз Шартра придавал ему залихватский вид; хромота Мэна делалась незаметна. Мэн был так хорош собой, даже горб его не портил. Король публично признал сына, одна лишь мадам до сих пор не упускала случая позлословить о его происхождении.

Мимо кареты промчались законные внуки его величества; трое маленьких мальчиков понукали своих чубарых, белых в «барсовых» пятнах пони, изо всех сил колотили их каблуками в бока, пытаясь угнаться за незаконнорожденным сводным дядей Мэном и законным кузеном Шартром.

— Спрячься от солнца, дитя мое, — посоветовал месье Лотте, — не то загорись.

— Но сударь...

— И испортишь дорогое новое платье, — добавила мадам.

— Да, месье. Да, мадам.

Мари-Жозеф тоже поспешила укрыться от солнца. Жаль бы лишиться нового платья, лучшего из всех, что у нее имелись, пусть даже это и обноски Лотты. Она разгладила желтый шелк и развела полы так, чтобы продемонстрировать серебристую нижнюю юбку.

— А вот вы, мадемуазель де ла Круа, — продолжил месье, — смуглы, словно гурон. Скоро вас начнут дразнить индианкой, и мадам де Ментенон скажет: «А ну, верните мне мое старинное прозвище!»

Лоррен ухмыльнулся. Мадам нахмурилась:

— Старая ведьма никогда не вспомнит о своем прозвище. Ей хочется, чтобы все думали, будто она родилась в Ментеноне и имеет какие-то права на титул маркизы!

— Мадам...

Мари-Жозеф показалось, что ее долг — вступить за мадам де Ментенон. Когда Мари-Жозеф только прибыла во Францию из монастырской школы на Мартинике, маркиза проявила к ней большую доброту. Хотя Мари-Жозеф уже исполнилось двадцать и она не могла войти в число воспитанниц мадам де Ментенон в Сен-Сире, маркиза назначила ее на должность учительницы математики, и Мари-Жозеф стала обучать младших девочек. Как и Мари-Жозеф, мадам некогда прибыла с Мартиники во Францию без гроша за душой.

Мадам де Ментенон часто рассказывала о Мартинике ученицам, вверенным ее попечению. Она вспоминала о лишениях, которые ей пришлось вынести в Новом Свете. Убеждала девочек из высокородных, но обедневших семейств, что если они будут богобоязненны и послушны, как она, то его величество наделит их приданым и они не узнают нужды.

Месье перебил Мари-Жозеф:

— А вы пользуетесь тем кремом, что я подарил вам?

Он пристально уставился на нее, не отнимая от носа ароматического шарика. Цвет лица у него был очень нежный. К тому же он подчеркивал аристократическую бледность с помощью пудры и черных мушек на щеке и в уголке рта.

— Этот крем бесподобен, но и он вам не поможет, если будете, невзирая на все предупреждения, сидеть на солнце!

— Папа, какой вы злой! — упрекнула месье Лотта. — Сейчас Мари-Жозеф куда бледнее, чем она была, когда только приехала во Францию.

— И все благодаря моему крему! — провозгласил месье.

— Ах, оставьте ее! — взмолилась мадам. — Что за беда, если она, как и я в юности, не прочь побродить по лесам и садам. Как сказал его величество, придворные совсем разлюбили сады. Кроме меня, да вот теперь еще мадемуазель де ла Круа. Так о чем вы только что говорили?

— Вздор, пустяки, мадам, — пробормотала Мари-Жозеф, радуясь, что месье успел перебить ее до того, как она высказала свое мнение о мадам де Ментенон. Выражать свое мнение при

дворе всегда было рискованно, а хвалить мадам де Ментенон в присутствии мадам — совершенно безрассудно.

— Тпру! — крикнул кучер.

Замедляя ход, карета сильно качнулась. Мари-Жозеф чуть было не соскользнула с сиденья на пол. Ее лодыжки задели стройные длинные ноги шевалье де Лоррена. Лоррен галантно поддержал ее за руку, не дав упасть, и не отпускал, даже когда карета выровнялась. Своим бедром он касался ее бедра. Он улыбнулся, глядя на нее сверху вниз. Мари-Жозеф улыбнулась в ответ, а затем опустила взгляд, устыдившись собственного разыгравшегося воображения. Шевалье был необычайно хорош собой, хотя уже и не молод. В свои пятьдесят пять он был ровесником короля. Он носил длинный черный парик, как и его величество. Глаза у него были ярко-голубые. Мари-Жозеф снова прислонилась к спинке, освобождая ему место. Шевалье подвинулся, устраиваясь поудобнее. Вытянув ноги, он прижал ее туфельки к основанию сиденья, так что она не могла пошевелиться.

— Сядьте прямо, сударь! — потребовала мадам. — Никто не давал вам права сидеть развалиясь в моем присутствии!

Месье ласково похлопал шевалье по колену.

— Это я позволил Лоррену вытянуть ноги, — промолвил месье. — Мой друг слишком высок для нашей кареты.

— А я слишком толста, — возразила мадам. — Но я же не разлеглась на всем сиденье.

Лоррен выпрямился, задев макушкой парика о потолок кареты.

— Приношу мадам самые глубокие извинения.

Он взял свою шляпу с пышными перьями и открыл дверцу, а выходя, провел плюмажем по запястью Мари-Жозеф.

Месье поспешил выйти следом за ним.

Мари-Жозеф, уняв сердцебиение, сосредоточила все свое внимание на мадам и Лотте, как ей и полагалось.

— В Версаль я вернусь вместе с Ивом, — быстро сказала она. — Тогда на обратном пути всем будет свободнее.

— Дитя мое, — вздохнула мадам, — это не имеет никакого отношения к размерам кареты.

Мадам встала и спустилась вниз по ступенькам. Месье помог выйти ей, а Лоррен — Лотте. Мари-Жозеф выпорхнула за ними, торопясь увидеть брата. Лоррен уже поджидал ее с изысканной вежливостью, словно она была членом семьи брата ко-

роля. Он подал ей руку. Знаки его внимания одновременно волновали и смущали ее. Он лишал ее душевного равновесия. Ничто на Мартинике никогда не смущало ее: там она жила тихой, уединенной жизнью, вела хозяйство в доме брата, помогала ему проводить эксперименты и читала книги обо всем на свете.

Она ступила на мостовую рядом с мадам, которой чувство собственного достоинства не позволяло замечать грязь и зловоние. Король пожелал встретить вернувшуюся экспедицию в порту, а мадам полагала себя неотъемлемой частью двора и потому сопровождала его величество, не сетуя и не жалуясь.

Мари-Жозеф украдкой улыбнулась. Мадам не жаловалась при посторонних. В кругу семьи принцесса Пфальцская не стеснялась в выражениях и зачастую высказывала нелицеприятные мнения.

Месье тронул Лоррена за локоть. Лоррен поднес к губам руку Мари-Жозеф и хотел было присоединиться к месье, но рядом с ним, как и подобает супруге, уже шествовала мадам. Шартр спешился, бросил поводья лакею и предложил руку сестре.

Мари-Жозеф сделала реверанс и отступила назад. Ей предстояло найти место в конце процессии, позади тех, кто превосходил ее знатностью и положением.

— Пойдемте с нами, мадемуазель де ла Круа, — предложила мадам. — Шевалье готов сопровождать вас.

— Но, мадам!..

— Я знаю, что значит скучать по близким. Я не видела своих родных двадцать лет, с тех пор как приехала во Францию. Пойдемте с нами, и никто не заставит вас терпеть разлуку с братом долее, чем того требуют обстоятельства.

С благодарностью, с изумлением Мари-Жозеф склонилась в придворном поклоне и поцеловала край платья мадам. Тут же отдал поклон мадам и месье Лоррен. Мари-Жозеф поднялась. К ее удивлению, шевалье, улыбаясь своей пленительной, загадочной улыбкой, поцеловал руку не мадам, а ей.

Словно во сне, Мари-Жозеф в сопровождении одного из самых прекрасных придворных оказалась в начале величественной и пышной процессии, о месте в которой она не смела и мечтать.

Королевская карета стояла первой в очереди пятидесяти других. На ее дверцах сияли золотые солнца. Восьмерка лошадей

била копытами, фыркала, позвякивала упряжью. Все лошади были белые, в небольших, размером с монету, черных пятнах. Этих чубарых, «барсовых» упряжных жеребцов прислал в подарок своему брату — французскому монарху китайский император. Внукам короля были подарены такие же чубарые пони.

— Осторожно, мадемуазель де ла Круа! — тихо предостерег ее Лоррен, когда они проходили мимо великолепной упряжки. Терпкий запах конского пота смешивался с запахом рыбы и водорослей. — Эти твари — наполовину барсы и питаются сырым мясом.

— Что за нелепость, сударь! — возразила Мари-Жозеф. — Лошадь не может соединиться с барсом.

— И вы не верите в существование грифонов...

— В мире скрываются доселе невиданные создания, но все они — творение природы...

— Или химер...

— А не порождение орлов и львов...

— Или русалок?

— И не порождение смертных женщин и демонов!

— Я и забыл, вы же изучаете алхимию, подобно вашему брату.

— Сударь, он изучает не алхимию, а натурфилософию!

— Выходит, алхимию он оставляет вам — алхимию красоты!

— Воистину, сударь, никто из нас не увлекается алхимией. Он занимается натурфилософией, а я — математикой, в меру своих скромных сил.

Лоррен снова улыбнулся:

— Не вижу разницы.

Она хотела было объяснить, что, в отличие от алхимика, натурфилософ не занимается поисками бессмертия и превращением низменных металлов в золото, но Лоррен пренебрежительно пожал плечами:

— Дело в том, что я вообще малообразован. Математика — это что же, арифметика? Какой ужас! Если бы я изучал математику, мне пришлось бы упражняться, суммируя собственные долги! — Он комически содрогнулся от страха, наклонился к Мари-Жозеф и прошептал: — Вы так прекрасны, что я поневоле забываю о том, что вы занимаетесь... тайными науками.

Мари-Жозеф покраснела:

— Я не имела случая ассистировать брату с тех пор, как он уехал с Мартиники.

«А также заниматься математикой», — с сожалением подумала она.

Молодые аристократы соскакивали с лошадей; их отцы, матери и сестры выходили из карет. Герцоги, герцогини, пары Франции, иностранные принцы¹, версальские придворные в роскошных нарядах выстроились, согласно порядку старшинства, чтобы поприветствовать своего короля.

Рядом с королевской каретой граф Люсьен соскользнул со своего арабского скакуна. Дворяне, имевшие тот же чин, что и граф Люсьен, носили шпаги, а у него на поясе висел короткий кинжал. Он и в остальном не стремился следовать моде. Хотя и облаченный в расшитый золотом синий жюстокор, знак особо приближенного придворного, он отказался и от кружевного жабо, и от лент. Вместо них он повязал простой шейный платок, заправив его концы в петлицу. Он отрастил короткие усики, точно армейский офицер. На такое нарушение правил решился только Шартр, который до сих пор упивался своими военными победами, однако все прочие придворные были гладко выбриты, под стать королю. Парик на графе Люсьене был каштановый, по военной моде подвязанный на затылке. Ему следовало бы выбрать черный парик, подражая королю, и носить его, опустив крупные локоны на плечи, как предпочитал его величество. Мари-Жозеф полагала, что пользующийся особой королевской милостью граф де Кретьен, конечно, может пренебречь модой, но, одеваясь и причесываясь словно армейский капитан, выглядит нелепо, выставляя себя на посмешище.

Опираясь на эбеновую трость, граф Люсьен жестом подозвал шестерых лакеев. Они развернули вдоль причала шелковый алей с золотом ковер, чтобы его величество ненароком не наступил в ил или рыбью требуху.

Придворные выстроились по обеим сторонам персидского ковра, улыбаясь и скрывая зависть к графу Люсьену, заслужившему милость и доверие монарха.

Мари-Жозеф внезапно поняла, что стоит совсем рядом с королевской каретой, которую заслоняли от нее только ближай-

¹ *Иностранный принц* (фр. *prince étranger*) — до 1789 г. титул французского аристократа, имевшего право на тот или иной европейский трон.

шие члены семьи его величества. Мадам прошествовала мимо Мэна, его супруги и брата, настаивая на том, что ее семья по положению выше внебрачных детей его величества, хотя и признанных королем.

Граф Люсьен приказал принести портшезы. Четверо носильщиков в королевских ливреях поспешно доставили крытые носилки его величества, еще четверо — портшез мадам де Ментенон.

Граф Люсьен распахнул дверцу королевской кареты.

У Мари-Жозеф неистово застучало сердце. Она могла почти дотронуться до короля, их разделяла только каретная дверца, с которой на нее бесстрастно взирал золотой лик солнца. Вот промелькнул темно-коричневый рукав, белые перья на шляпе, красные высокие каблуки лакированных башмаков. Его величество ответил на приветственные крики подданных.

Какой-то оборванец протиснулся сквозь толпу.

— Хлеба! — крикнул он. — Нас душат твои налоги, мы умираем с голоду!

Мушкетеры прищипорили коней, намереваясь схватить наглеца. Земляки поскорей утащили его с глаз долой, и он исчез в толпе. Отчаянные крики бунтаря стихли, напоследок он пробормотал приглушенное проклятие. Король не удостоил эту сцену вниманием. Следуя примеру его величества, все притворились, будто ничего не произошло.

Его величество сел в портшез, даже не ступив на землю или на персидский ковер.

Во втором портшезе устроилась мадам де Ментенон, бледная и бесцветная, в черном платье, с незатейливо убранными волосами. Ходили слухи, что, когда король тайно обвенчался с нею или, как полагали некоторые (и была убеждена мадам), сделал ее своей любовницей, она была необычайно хороша собой и необычайно остроумна. «Интересно, — думала Мари-Жозеф, — ей делают комплименты в надежде на благосклонность?» Насколько знала Мари-Жозеф, мадам де Ментенон не искала ничьей благосклонности, уповая лишь на короля и Господа Бога, каковых она не разделяла, а ее благосклонностью пользовался всего один придворный, герцог дю Мэн, которого она любила как сына.

Граф Люсьен возглавил маленькую процессию из двух портшезов, двинувшуюся по деревянному настилу к причалу. Он не-

много прихрамывал, глухо отбивая тросточкой ритм по персидскому ковру.

Носильщики отнесли портшез мадам де Ментенон в сторону, ожидая, когда можно будет стать на полагающееся ей место в процессии, ведь тайная супруга короля носила всего лишь титул маркизы.

Придворные попарно развернулись, следуя за королем: первым прошествовал овдовевший великий дофин, монсеньор, единственный законнорожденный прямой наследник его величества. Маленькие сыновья монсеньора, герцог Бургундский, герцог Анжуйский, герцог Беррийский, шли тотчас за ним.

Месье и мадам, Шартр и мадемуазель д'Орлеан, Лоррен и Мари-Жозеф вступили в череду придворных, следовавших за королем в строгом соответствии с титулом. Одна Мари-Жозеф была здесь лишней. Она ощущала одновременно благодарность к мадам и неловкость, ведь это было грубым нарушением этикета, а когда Мари-Жозеф проходила мимо герцогини Мэнской, та бросила на нее злобный взгляд.

Королевский галеон покачивался на волнах у дальнего конца причала с убранными парусами, его тяжелые снасти поскрипывали. С кормы словно срывались сияющие золотом солнечные кони Аполлона, и движение корабля вселяло в них призрачную жизнь.

Легкий ветерок донес из гавани запах соли и водорослей. Королевский штандарт затрепетал было на мачте, а потом снова вяло опал в жарком воздухе. Матросы стали выгружать на причал вещи Ива: ящики со снаряжением, мешки и сумы, зловещий сверток, смутно напоминавший тело в саване.

Ив стремительно сбежал по сходням. Мари-Жозеф тотчас его узнала, хотя, когда они расстались, он казался наивным неотесанным юнцом. Теперь перед нею был взрослый мужчина, красивый, элегантный и суровый в своей длинной черной рясе. Ей хотелось кинуться к нему навстречу через весь причал, броситься на шею, но Сен-Сирская школа и Версаль научили ее обуздывать чувства.

Шестеро матросов медленно спустились по сходням, склоняясь под тяжестью сети, которую они несли на шестах. В сети покачивалась позолоченная ванна. Дойдя до оконечности узкого настила, Ив положил руку на край ванны, останавливая ее колебания. К нему присоединился капитан галеона, и вместе

они двинулись вдоль причала. Ив не выпускал края ванны, то ли оберегая ее содержимое, то ли не желая и на миг с ним расстаться.

И тут в небе, над головой собравшихся, поплыла пленительная мелодия, пропетая чьим-то нежным голосом. Ее прелесть, столь неожиданная в это мгновение и в этом месте, ошеломила Мари-Жозеф. Никто в королевской свите не осмелился бы запеть здесь и сейчас, не получив приказа его величества. Наверное, запел кто-то из команды галеона, кто-то, кто выучил этот прекрасный мотив в чужеземных краях.

Ив подошел ближе. Он опустил руку в ванну, глубоко под воду. Песня внезапно смолкла, и воздух взорвался рычанием и фырканьем.

Придворные тесно обступили портшез его величества. Мари-Жозеф оказалась в толпе рядом с мадам, и та незаметно пожала ей руку.

— Ваш брат вернулся, все хорошо, все опасности позади, — прошептала мадам. — Остальное не важно.

— Он вернулся, все опасности позади, и он доказал свою правоту, — едва слышно произнесла Мари-Жозеф на ухо мадам. — Вот что было важно моему брату.

Ив и матросы приблизились к королю и остановились у самого края персидского ковра. Матросы не ступили на ковер; носильщики не сошли с него на доски настила.

— Отец де ла Круа... — произнес граф Люсьен.

— Месье де Кретьен... — откликнулся Ив.

Они обменялись поклонами. Ив тщетно пытался скрыть гордость и торжество за сделанным бесстрашием. Он обвел взглядом придворных Людовика. Они собрались здесь, на грязном причале, словно в Мраморном дворе Версаля, ради него, Ива. Мари-Жозеф улыбнулась: ей льстило, что брат занял высокое положение королевского натурфилософа, исследователя и путешественника. Она ожидала, что он улыбнется ей в ответ, отметив, возможно с удивлением, что она тоже добилась успеха в Версале за столь малое время.

Однако Ив оглядел собравшихся аристократов, даже не задержавшись взглядом на Мари-Жозеф. Мадам протиснулась вперед, потянув за собой Мари-Жозеф, чтобы получше рассмотреть, что же таится в ванне.

Вновь зазвучала песня, сначала это был шепот, но постепенно он перерос в крик, вопль отчаяния и ужаса. Мари-Жозеф пожилась.

Существо в ванне неистово забилося, обдав брызгами Ива и вздрогнувших от страха матросов. Загадочное создание стало судорожно срывать спеленавшую его парусину.

Граф Люсьен отворил дверцу портшеза. Его величество выглянул наружу. Придворные склонились в глубоком поклоне, дамы сделали реверанс. Мужчины обнажили голову. Мари-Жозеф тоже присела в реверансе, зашуршав шелковыми юбками. Даже матросы попытались поклониться, хотя держали тяжелую ношу и не имели никакого представления об этикете. Загадочная тварь снова вскрикнула, а когда ванна качнулась и покосилась, пряди ее иззелена-черных волос взметнулись через край.

— Оно живое, — констатировал Людовик.

— Да, ваше величество, — подтвердил Ив.

Ив отвернул лоскут промокнувшей парусины. Тварь, обезумев, забилась, обдав водой шелковый сюртук Людовика. Людовик отстранился, поднеся к лицу ароматический шарик. Ив снова закрыл загадочное существо.

Его величество обернулся к капитану:

— Мы удовлетворены.

Король откинулся на спинку кресла, скрывшись от глаз. Граф Люсьен закрыл дверцу, и носильщики быстрым шагом понесли портшез прочь. Мари-Жозеф снова сделала реверанс. Придворные расступились, кланяясь, когда мимо них проплывал портшез.

Граф Люсьен вручил небольшой, туго набитый кожаный мешочек капитану галеона. Граф кивнул Иву и отправился следом за королевским портшезом.

Капитан развязал тесемки кошель, высыпал золотые монеты на ладонь и рассмеялся от счастья. Граф Люсьен вознаградил его пригоршней луидоров — золотых монет, отчеканенных в честь короля. Для человека его положения это было целое состояние.

— Благодарю вас, ваше величество! — крикнул капитан вслед удалявшемуся портшезу. — Благодарю вас, королевский шут!

Придворные ахнули. Шевалье де Лоррен усмехнулся и, наклонившись, что-то прошептал на ухо месье, а тот поднес к ли-

цу ароматический шарик и кружевной платок, чтобы скрыть злорадную улыбку.

Граф Люсьен не ответил, хотя, должно быть, расслышал издевку. Его трость приглушенно постукивала по ковру, пока он взбирался по настилу на набережную.

Ив в ярости схватил капитана за плечо:

— Замолчите сейчас же! Это его превосходительство Люсьен де Барантон, граф де Кретьен!

— Нет! — со смехом возразил капитан, покачав головой. — Вот теперь вы изволите шутить, отец де ла Круа. — Он поклонился. — Выгодное было дельце. Я к вашим услугам в любое время, даже если опять захотите половить русалок.

Он зашагал обратно к галеону.

Мадам слегка подтолкнула Мари-Жозеф:

— Поздоровайтесь с братом.

Мари-Жозеф поблагодарила, сделав реверанс, подхватила шелковую юбку, оберегая ее от поблескивающей зловонной рыбьей чешуи, и бросилась к Иву. Он по-прежнему словно ее не замечал.

Мари-Жозеф невольно приостановилась. «Неужели он сердится? — подумала она. — Как такое возможно? Вот у меня есть причины на него злиться, а я же не злюсь!»

— Ив?..

Ив взглянул на нее и удивленно поднял темные, красиво изогнутые брови:

— Мари-Жозеф?

Выражение его лица мгновенно потеплело. Только что перед нею стоял сосредоточенный, суровый, аскетический иезуит, целиком принадлежавший миру взрослых, и вот он уже опять превратился в ее старшего брата, и его охватила безудержная радость. В три шага преодолев разделявшее их расстояние, он обнял ее, оторвав от земли, и закружил в воздухе, как маленькую девочку. Она обхватила его за плечи, прижавшись щекой к черной шерстяной материи.

— Я тебя с трудом узнал, какое там, просто не узнал! Ты совсем выросла!

Она хотела сказать ему так много, что решила молчать от страха, вдруг выпалит все сразу, путано и бессвязно. Он опустил ее на землю и стал пристально вглядываться в нее. Она

улыбнулась, смотря на него снизу вверх. Когда он улыбался, на лице у него обозначались светлые незагорелые морщинки. Его кожа от загара стала совсем смуглой, а ее — сделалась светлой и почти обрела модную бледность. Его черные волосы в беспорядке ниспадали на плечи — в отличие от большинства мужчин при дворе, он не носил парика, — в то время как ее непослушные золотисто-рыжие кудри были укрощены с помощью шпилек и щипцов и искусно уложены аккуратными локонами под проволочным каркасом и кружевными оборками фонтанжа — модного головного убора.

А вот глаза у него были все те же, прекрасные, ярко-голубые.

— Брат, милый, вид у тебя чудесный, — наверное, путешествие пошло тебе на пользу.

— Ну что ты, сплошь тяготы и морская болезнь, — возразил Ив. — Но я был так занят, что и времени страдать не оставалось.

Он обнял ее за плечи и повел к позолоченной ванне. Таинственное создание билось в своей темнице, оглашая окрестности воплями.

— Несите на набережную, — приказал Ив матросам.

Те торопливо зашагали вдоль причала. Их обнаженные татуированные руки напряглись под тяжестью ванны с водой и загадочной добычей Ива. Мари-Жозеф попыталась заглянуть в ванну, но мокрая парусина скрывала от глаз ее обитателя. Она прижалась к Иву, обвинив его рукой за талию. У нее еще будет время как следует рассмотреть морское чудовище.

Они шли меж рядами придворных. Все без исключения, даже мадам, месье и принцы и принцессы королевской крови, сидели разглядеть существо, которое Ив поймал для короля.

А еще, поравнявшись с Ивом, мужчины притрагивались к полям шляп, а дамы делали реверансы.

Удивленный, Ив на мгновение растерялся. Мари-Жозеф хотела было незаметно толкнуть его локтем в бок, чтобы напомнить ему, своенравному и капризному, о правилах хорошего тона. Мальчиком он всегда уделял больше внимания своей коллекции птиц, чем своим манерам.

К удивлению и восторгу Мари-Жозеф, Ив поклонился месье и мадам с грацией истинного придворного и сдержанностью, приличествующей его сану.

Мари-Жозеф присела в реверансе перед месье, поднесла к губам и поцеловала край платья мадам. Тучная герцогиня милостиво улыбнулась ей и кивнула в знак одобрения.

Ив поклонился членам королевской семьи и прошел между двумя рядами придворных, с достоинством отвечая кивками на их приветствия.

Посередине причала, меж герцогами и герцогинями, графами и графинями, Мари-Жозеф и Ив догнали второй портшез. Его окна были плотно закрыты, а занавеси за стеклом — задернуты. Бедную мадам де Ментенон, которой вменялось в обязанность всего лишь сопровождать короля из Версаля в Гавр, несколько не интересовала загадочная морская тварь и торжествующий охотник, сумевший ее пленить.

— Жаль, что я не смогла пойти с тобой в плавание! — вздохнула Мари-Жозеф. — Вот бы мне увидеть морских чудовищ на воле!

— Что ты, мы только мерзли, мокли и мучились от морской болезни, а еще чуть было не утонули во время урагана. Если бы ты была на борту, во всех этих злоключениях обвинили бы тебя — есть поверье, что женщина на военном корабле приносит несчастье.

— Что за глупый предрассудок! — возмутилась Мари-Жозеф. Плавание с Мартиники во Францию было сопряжено со многими неудобствами, но просто вскружило ей голову.

— Тебе куда более пристала жизнь в стенах монастыря.

У Мари-Жозеф перехватило дыхание. Да как он смеет?! Да что он знает о монастырской школе?! А если бы знал, то не обрек бы ее на несколько лет прозябания в скуке монотонной череды дней, в одиночестве и тоске.

— Я так по тебе скучала, — произнесла она. — Я волновалась!

— Каждый раз, вспоминая тебя, я мысленно слышал твои чудесные мелодии. Ты все еще сочиняешь музыку?

— В Версале нет места композиторам-дилетантам. Но ты скоро услышишь то, что я сочинила в последнее время, обещаю.

— Я так часто воображал тебя... Но не в таком платье.

— Тебе не нравится?

— Оно очень вызывающее.

— Оно вполне благопристойно, — возразила она, решив не упоминать о своей первой реакции на туго стянутую талию